

СЛАВА СЕВАСТОПОЛЯ

ВСТРЕЧА С МАТЕРЬЮ ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО

Ветеран партии, заслуженный работник культуры РСФСР Б. И. Камир — воспитанник севастопольской комсомольской и партийной организаций в конце 20-х годов. Он был сотрудником и редактором городской газеты «Маяк Коммуны». Отсюда он получил путевку в литературу: в 1928 году представлял севастопольских литераторов на первом съезде Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей.

43 года работает он в издательстве «Детская литература» редактором, заместителем главного редактора. Ему есть о чем вспомнить, есть что рассказать. Предлагаем читателям отрывки из рассказа-воспоминания Б. И. Камира «Властитель дум», который в 1984 году будет опубликован в журнале «Пионер». «Слава Севастополя» предоставлено право первой публикации.

В. МАЯКОВСКИЙ

темным галстуком. Публику спокойно и замолк. Крепко ждал упрямый рот. Таким я впервые увидел и услышал Владимира Владимировича.

Видел его и в Севастополе в июле 1926 года.

Незабываем вечер 5 августа 1927 года. По обе стороны улиц Карла Маркса застыли вагоны трамвая. Движение прекратилось. У клуба «Пролетарская кузница» огромное скопление людей. Вместительный зал клуба вместить всех не мог. Но люди не расходятся. Внимание всех — туда, к вершине эстаж. Из открытых окон клуба бьет яркий свет и звучит четкий, громкий голос, доносящий каждое слово. Улица затаила дыхание. Люди слушают выступление поэта, стоя на тротуарах и мостовой.

Маяковский разговаривал с Севастополем.

Севастополь слушал Маяковского.

Встречи обогащали. Александра Алексеевна обладала удивительным даром — рассказывала живописно, ярко. Послушаешь ее, и словно побываешь в тех местах, где жила семья, росли дети — сестры Люба и Оля, младший Володя.

В селе Багдади дома разбросаны далеко друг от друга. Вокруг сады, виноградники, огороды. Лес так близко подступает к дому, что ночью слышишь дикий вой шакалов. Дальше — неприступные горы со звериными тропами, перевалами, ущельями, пещерами.

Володя рос любознательным мальчиком. Книги полюбил с четырех лет, постоянно просил почитать что-нибудь «правдушное». С первой самостоятельно освоенной книгой произвел конфуз. Слезливый, сюсюкающий детский рассказ Клавдия Лукатевич «Птичница Агафья» вызвал отвращение. «Если бы мне в то время попалось несколько таких книг — бросил бы читать совсем». — Это признание из автобиографии «Я сам».

В семь лет Володя научился ездить верхом на лошади, и отец брал его с собой в разъезды по лесничеству. С сестрой Олей любил бывать на водяных мельницах, любовались водопадами. Охотно знакомилась с крестьянами, свободно разговаривали по-грузински.

Запомнился эпизод с чурч. Громданные кушину для вина выставляли во двор — вымыть, почистить. Володя залез в чурч и сказал Оле: «Отойти подальше и послушай, хорошо ли звучит мой голос?». Чтение получилось отличное — громкое, звучное.

Продолжались наши беседы, продолжались вперед и рукописи. Перед глазами «весомо, зримо» проходила жизнь семьи Маяковских. После смерти отца переехали в Москву. Здесь все было ново. В тринадцать лет Володя выглядел на несколько лет старше, был развит не только физически, но и умственно. И. Б. Караханов, знакомый семьи, характеризовал Володю как очень серьезного, вдумчивого, политически грамотного и подготовленного для революционной работы.

Именно на эти годы ранней юности пришлось его подпольная работа. Царская полиция трижды арестовывала несовершеннолетнего Маяковского, охотка дала ему кличку «Высокий». После выхода из тюрьмы он решил «сделать социалистическое искусство». Учился в Строгановском промышленном художественном училище. Оттуда исключили за пренебрежительный отзыв о буржуазном искусстве. А как иначе мог он отзываться об этом искусстве, служившем хозяевам и мешавшем?

Пришла пора стихов. Однажды сказал маме:

— На столе у меня на клочках бумаги и на папиросных коробках записаны слова и строчки стихов, которые мне нужны. Не убирайте и не выбрасывайте их. Выступление его в литературу тогдашнее «общество» приняло враждеб-

но и шумно. Нападали нещадно, ругали. Но он не оставался в долгу, отвечал остроумно, резко, убежденно.

Александра Алексеевна особенно волнуется, когда вспоминает, как Владимир Владимирович встретил Великий Октябрь, день 7 ноября 1917 года.

— Володя считал этот день ярчайшим и счастливейшим в жизни. Он приветствовал революцию и с гордостью говорил: «Моя революция».

К концу работы над рукописью Александра Алексеевна приберегла для нас подарок — показала сохранные за много лет уникальные фотографии, альбом Володы Маяковского, ученика 1-го класса Кубанской гимназии.

Александра Алексеевна вспоминала, что, когда сын еще был подростком, она рассказывала ему о прошлом семьи. Он запомнил слова матери и спустя много лет, в стихотворении «Нашему юношеству» писал:

Я — дедом казак,
другим —
А по рождению
сечевик,
грузин.

Дедушка Константин Константинович Маяковский происходил из казаков Запорожской сечи. Дедушка Алексей Иванович Павленко, отец Александры Алексеевны, служил в Кубанском полку на Кубани. Бабушка Ефросинья Осиповна Маяковская, урожденная Данилевская, двоюродная сестра писателя Данилевского. Бабушка Евдокия Никаноровна Павленко, мать Александры Алексеевны, в юности жила на Кубани в станице Терновской.

— У нас в Москве есть близкий родственник Аркадий Первенцев, сын моей двоюродной сестры. Он тоже из станичных мест. В трудную минуту Аркадий Алексеевич и его жена Вера Тихоновна всегда с нами. Ближе их у нас сейчас никого нет...

Было приятно сказать Александре Алексеевне, что мы в детском издательстве хорошо знаем и ценим писателя Первенцева — автора романа «Кочубей» и книги «Честь смолоду», которая в те дни у нас печаталась.

Осенью 1953 года книжка воспоминаний Александры Алексеевны Маяковской «Детство и юность Владимира Маяковского» была отпечатана, и к нам пришли первые экземпляры.

В те дни Александра Алексеевна тяжело заболела, не вставала с постели, но все же книжечку свою увидела и, потрясенный до нее истонченной дрожащей рукой, долго вглядывалась в свежотпечатанные страницы, мысленно как бы повторяя про себя последние строки воспоминаний: «И чем дальше идет время, тем больше людей у нас и во всем мире ценят и понимают творчество Маяковского. Это приносит мне большое счастье».

Борис КАМИР.

заслуженный работник культуры РСФСР, заместитель главного редактора издательства «Детская литература».

На снимках: слева — книга А. А. Маяковской «Детство и юность Владимира Маяковского»; справа — мать поэта А. А. Маяковская.

За долгую издательскую жизнь у меня собралось немало дорогих сердцу книг с нашим фирменным знаком. Они как живые существа — горячие, говорящие, добрые, умные. В этом книжном братстве есть одна, особенная. Если бы она была единственной, все равно считал бы себя самым счастливым человеком.

Из заветного уголка достаю точеную, в размер ученической тетради, книжку в плотном картонном переплете, оклеенном светлой, теперь уже слегка выцветшей бумагой. На верхней половине обложки — фотография юноши, скорее подростка, в мохнатой панталоне, с лицом, на котором едва-едва пробиваются штришки усов. Пристальный взгляд, в темных спокойных глазах затаено что-то очень глубокое, свое.

Под фотографией — название книги «Детство в юности Владимира Маяковского» и имя автора: А. А. Маяковская. Да, эту книжку написала мать поэта — Александра Алексеевна Маяковская, «дорогая моя, милая и родная мамочка», как обычно обращался к ней Владимир Владимирович. На титульном листе подзаголовок «Из воспоминаний матери». Книжка увидела свет 30 лет назад.

На днях, готовя этот рассказ, я легко нашел дом № 6 в Студенческом переулке на Шинтовском проезде и, поднявшись на третий этаж, остановился перед невысокой, тускло окрашенной дверью. На ней все тот же медный кружок с выпуклыми буквами «Прошу прозвонить». В 1952 году на звонок, проигравший за дверью, откликнулась сама Александра Алексеевна.

Ей в ту пору было 85 лет. Невысокая, худенькая, с гладко зачесанными седыми волосами, она была само обаяние, сама доброта. Питливые глаза, пожатие твердой руки, весь облик располагал к себе. Как сейчас слышу ее тихий и вместе с тем такой четкий и ясный голос, что кажется — доходит до тебя не только каждое слово, — каждая буква, каждый звук. Подумалось, не отсюда ли его манера разговаривать, бесконечно уважительная к человеку и одновременно твердая, когда рассержен — резкая, бьющая наотмашь.

Мне довелось видеть и слышать Маяковского не раз. Впервые в 1924 году в Одессе. Холодный дождливый февральский вечер. В театр оперетты платная публика шла спешно и важно, не обращая внимания на шумливую братву, томившуюся у подъезда. Чего ждешь? Билеты проданы, да и в кармане ни копейки... И вдруг... Театральная дверь неожиданно распахнулась, и вся безбилетная «шпана» втолкнулась в переполненный партер, заняв весь средний проход. Солдаты публики в чинных креслах партера и лож шумят, размахивают руками. По залу разнесся громовой голос, начисто перебивший партерный крик и визг:

— Граждане, успокойтесь! Это я разрешил впустить молодых. Пусть слушают. Ваши оплаченные места никто не тронет. Они постоют.

Перед рампой в середине пустой сцены стоял Маяковский. Высокий. Крупный. Коротко стрижен. Белоснежный воротник рубахи со строгим